

Коммуникативный паспорт современного мигранта из Средней Азии

Communication Passport of a Modern Migrant From Central Asia

DOI: 10.12737/2587-9103-2024-13-6-14-20

Получено: 06 октября 2024 г. / Одобрено: 25 октября 2024 г. / Опубликовано: 26 декабря 2024 г.

И.Б. Маслова

Канд. филол. наук, доцент,
зав. кафедрой русского языка как иностранного
ФГБОУ ВО «Московский государственный
лингвистический университет»,
Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 38/1,
e-mail: Irinamaslova0906@yandex.ru

I.B. Maslova

Ph.D., Associate Professor,
Head of the Department of Russian as a Foreign
Language,
Moscow State Linguistic University,
38/1, Ostozhenka str., Moscow, Russia,
e-mail: Irinamaslova0906@yandex.ru

Аннотация

Исследование посвящено осмыслению коммуникативного поведения трудовых мигрантов из Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, приезжающих в Российскую Федерацию с целью трудоустройства. В основе исследования лежит гипотеза о том, что доминантным признаком их коммуникативного поведения является билингвальность, поэтому вводится понятие «билингвального коммуникативного поведения» человека. Доказано, что существуют разные виды билингвизма, среди которых билингвизм трудовых мигрантов представляется малоизученным. Кроме того, не вызывает сомнения и факт близости билингвизма и диглоссии. Однако диглоссия, в отличие от билингвизма, характерна для определенных социальных отношений, а билингвизм — черта индивидуальной языковой личности. Установлено, что именно билингвизм, а точнее, степень владения разными языками, один из которых является родным, а второй — приобретенным, влияет на социализацию мигрантов в РФ. Доказательством этого является анализ коммуникативного поведения мигрантов в обиходно-бытовой и институциональной сферах общения. В результате наблюдений было обнаружено, что модели поведения приезжающих в РФ «на заработки» имеют сходства, связанные с их национальной принадлежностью, уровнем образования, сферами общения, принадлежностью к постсоветскому пространству. Наиболее показательной является институциональная сфера общения, которая с наибольшей ясностью вывечивает особенности билингвального коммуникативного поведения мигрантов из Средней Азии, позволяющие говорить о понятии «коммуникативного паспорта мигранта».

Ключевые слова: мигрант, коммуникативное поведение, билингвальное коммуникативное поведение, билингвизм, обиходно-бытовая и институциональная сферы общения.

Abstract

The study is devoted to understanding the communicative behavior of migrant workers from Uzbekistan, Tajikistan, and Kyrgyzstan who come to the Russian Federation for the purpose of employment. The study is based on the hypothesis that the dominant feature of their communicative behavior is bilingualism, therefore, the concept of "bilingual communicative behavior" of a person is introduced. It is proved that there are different types of bilingualism, among which the bilingualism of migrant workers seems to be poorly studied. In addition, there is no doubt about the proximity of bilingualism and diglossia. However, diglossia, unlike bilingualism, is characteristic of certain social relationships, and bilingualism is a feature of an individual linguistic personality. It has been established that it is bilingualism, or rather, the degree of proficiency in different languages, one of which is native and the second is acquired, that affects the socialization of migrants in the Russian Federation. The proof of this is the analysis of the communicative behavior of migrants in the everyday and institutional spheres of communication. As a result of the observations, it was found that the behavior patterns of people coming to the Russian Federation "for work" have similarities related to their nationality, level of education, spheres of communication, belonging to the post-Soviet space. The most significant is the institutional sphere of communication, which highlights with the greatest clarity the features of the bilingual communicative behavior of migrants from Central Asia, which allow us to talk about the concept of a "communicative migrant passport".

Keywords: migrant, communicative behavior, bilingual communicative behavior, bilingualism, everyday and institutional spheres of communication.

Введение

К вопросу соотношения миграции и языка в лингвистических исследованиях обращаются в последние годы всё чаще (С.В. Шустова, М.Б. Раренко, М.В. Дружинина). Для обозначения этой сферы наблюдений используют уже известный термин «миграционная лингвистика» (*Migrationslinguistik*). Одной из главных задач данного научного направления С.В. Шустова видит «моделирование миграционного дискурса с целью определения аспектов, позволяющих снизить конфликтность» [1, с. 157]. По ее мнению, именно с миграционными процессами связаны «определенные риски, которые необходимо минимизировать в пользу тех выгод и того положительного эффекта, которые неизбежно влечет за собой миграция» [там же]. М.Б. Раренко смещает акценты, обращая внимание на значительные негативные изменения язы-

ка принимающего мигрантов государства. И такие изменения являются, по мнению исследователя, необратимыми, заслуживая самого серьезного и пристального изучения [2, с. 38]. М.В. Дружинина отмечает, что миграционные процессы приводят к «смещению языков, культур, а динамика процессов гибридизации может иметь как положительные результаты, так и негативные последствия» [3, с. 102–103]. К числу положительных явлений относятся возможности кооперации, реализация международных проектов, обмен ресурсами, виртуальная мобильность и т.д. Негативных последствий М.В. Дружинина называет намного больше, и самыми серьезными, с нашей точки зрения, являются:

- потеря национальной идентичности;
- коммуникативные сбои в общении представителей разных национальностей;

- разжигание неприязни к представителям других национальностей;
- вспышки национализма;
- выражение русофобии и иных фобий и многое другое [там же].

Учитывая сказанное и основываясь на собственных наблюдениях, мы пришли к идее создания «коммуникативного паспорта современного мигранта»: поскольку изучение миграционных процессов носит междисциплинарный характер, наше исследование, проводимое в социолингвистическом аспекте, не противоречит заявленным установкам, а доказывает серьезность поставленных временем задач, требующих разностороннего изучения вопроса.

Актуальность данной работы обусловлена следующими моментами: 1) понятие коммуникативного поведения известно науке давно, однако проблема билингвального коммуникативного поведения мигрантов на данный момент не нашла достаточного отражения в лингвистике; 2) анализ коммуникативного поведения трудовых мигрантов-билингвов позволяет идентифицировать личность собеседника и оптимизировать общение как на официальном, так и на обиходно-бытовом уровне, что чрезвычайно актуально в современном мире.

Обзор литературы

К основным понятиям настоящего исследования среди прочих можно отнести понятия билингвизма/билингвальности/диглоссии, двуязычия, коммуникативного поведения субъекта, языковой политики государства и др. Однако мы остановимся на первых двух, которые считаем ключевыми.

Более десятка — столько существует сегодня определений билингвизма. И понимание термина «билингвизм» является широким. Отметим, что в научной литературе отсутствует единый подход к определению понятий «билингвизм» и «двуязычие». Однако большинство ученых, к примеру, Л.Л. Нелюбин [4] и Р.К. Миньяр-Белоручев [5, с. 176] склонны определять билингвизм как владение двумя языками, достаточно часто используемыми в коммуникации. А.Д. Швейцер [6, с. 481–482] полагает, что первым языком, как правило, признается родной, вторым — неродственный, но широко употребляемый той или иной этнической общностью. Еще в 1972 г. У. Вайнрайх [7, с. 25–60] писал о том, что под понятием «двуязычие» подразумевает практику попеременного пользования двумя языками. Тогда же В.Ю. Розенцвейг уточняет: «Под двуязычием обычно понимается владение двумя языками и регулярное переключение с одного на другой, в зависимости от ситуации общения» [8].

В аспекте данного исследования важно также дифференцировать понятия «билингвизм» и «диглос-

сия». Сущность диглоссии заключается не во владении двумя генетически разными языками, а в способности свободно говорить на двух подсистемах национального языка (территориальных диалектах, просторечии) или двух его вариантах, когда на определенной территории существуют две его исторические формы употребления, применяемые носителями в соответствующих функциональных сферах. Так, к примеру, обстоит дело с церковнославянским и русским языками в допетровский период России. В данной ситуации диглоссия характеризуется ситуацией несбалансированного двуязычия, когда «низкий» язык имеет статус родного для всего населения территории, а «высокий» считается родственным по отношению к материнскому языку.

Явления диглоссии обнаруживают близость к явлениям билингвизма. И в том, и в другом случае отмечается различие говорящим или пишущим разных языковых кодов и обусловленность переключения с одного кода на другой ситуацией общения. Однако, как уже было доказано лингвистами, диглоссия, в отличие от билингвизма, характерна для определенных социальных отношений, а билингвизм — черта индивидуальной языковой личности, что важно для настоящего исследования. Кроме того, существенное отличие состоит в том, что билингвизм означает владение разными языками, в то время как диглоссия свидетельствует об овладении говорящим (или пишущим) разными системами в рамках одного языка.

Подчеркнем, что билингвизм является, скорее, не статичной, а динамичной категорией. Следовательно, индивид может менять свой билингвальный профиль при изменении социальной среды или из личных побуждений. Например, человек может потерять навыки устного общения на ранее освоенном языке в случае, если он большую часть времени разговаривает на втором языке.

Как видим, наряду с терминами «билингвизм» и «диглоссия» используется и термин «билингвальность», появившийся во второй половине XX в. в зарубежной лингвистике (1989 г.; Hamers J.F., Blanc M.H.A.). Соглашаясь с тем, что билингвальность — психолингвистическая характеристика, мы считаем билингвизм более широким понятием и вслед за Г.Н. Чиршевой полагаем, что, помимо билингвальности, он включает в себя социолингвистическую характеристику индивида и общества [9].

Соотношение терминов представлено в табл. 1.

Таблица 1

Соотношение терминов «билингвизм», «диглоссия», «билингвальность»

Билингвизм — владение двумя языками	Диглоссия — способность говорить	Билингвальность — психолингвисти-
-------------------------------------	----------------------------------	-----------------------------------

Окончание табл. 1

ми одновременно/владение двумя языками и попеременное их использование в зависимости от условий речевого общения (классическое определение У. Вайнрайха) [10]	на двух подсистемах национального языка (территориальных диалектах, просторечии) или двух его вариантах, когда на определенной территории существуют две его исторические формы употребления, применяемые носителями в соответствующих функциональных сферах	ческая характеристика двуязычного индивида, которая заключается в его способности продуцировать речь на двух языках
---	--	---

В определении типов билингвизма вслед за В.И. Карасиком [11] мы опираемся на следующую классификацию:

- 1) естественный билингвизм, свойственный людям, усвоившим с раннего детства два или несколько языков в силу необходимости общения с носителями этих языков, проживающими рядом;
- 2) учебный билингвизм, предполагающий владение вторым языком в ограниченном объеме языковых средств и речевых жанров;
- 3) билингвизм мигрантов, проявляющийся в речи на неродном языке в условиях иноязычного окружения;
- 4) профессиональный билингвизм специально подготовленных людей, производственная деятельность которых состоит в использовании второго языка в педагогической, переводческой или деловой коммуникации;
- 5) творческий билингвизм как способность создавать художественные, научные и публицистические тексты на неродном языке.

Наименее изученным сегодня является 3-й тип — билингвизм мигрантов. Именно это и определило наш интерес к заявленной теме.

Итак, билингвизм мигрантов на территории Российской Федерации, на наш взгляд, можно определить как односторонний (представители Средней Азии осваивают русский язык, а русские не говорят на языках народов Средней Азии), массовый (почти все вынуждены говорить по-русски), естественный (постоянные контакты с русскоязычным населением приводят к естественному освоению мигрантами государственного языка РФ), подчиненный (неравные языковые навыки в двух языковых системах) билингвизм.

Обратимся к понятию «коммуникативное поведение».

Сам термин впервые был использован в работе И.А. Стернина «О понятии коммуникативного поведения» [12]. Наряду с этим существуют исследования отдельных сторон национальной специфики общения. Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Ю.Е. Прохоров и др. анализировали национально-культурную

специфику русского речевого общения. Опираясь на классическое определение коммуникативного поведения, отметим, что это поведение (вербальное и сопровождающее его невербальное) личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями общения данного социума [13, с. 23].

Отметим, что, как и в случае с билингвизмом, существуют разные определения коммуникативного поведения, которые в разное время в своих работах формулировали С.Н. Артаев, Н.В. Дутова, Н.М. Татарникова, Ж.А. Сержанова и др. Важно подчеркнуть, что наряду с термином коммуникативное поведение в лингвистике существуют и другие: речевое поведение (У. Вайнрайх), речевая деятельность (А.А. Леонтьев, Л.В. Щерба).

В рамках настоящего исследования нельзя не отметить, что к коммуникативному поведению примыкает социально и коммуникативно значимое бытовое поведение — «совокупность предметно-бытовых действий людей, получающих в данной лингвокультурной общности смысловую интерпретацию и тем самым включающихся в общий коммуникативный процесс и влияющих на поведение и общение людей». Это своеобразный «язык повседневного поведения», или социальный символизм [12, с.6].

Результаты исследования

Мы попытались смоделировать коммуникативный паспорт современного мигранта в Российской Федерации. Поскольку в центре внимания оказывается средне-статистический человек, укажем его характеристики.

Основные параметры, определяющие коммуникативное поведение мигранта и составляющие основу его коммуникативного паспорта:

- национальная специфика: уроженец Узбекистана, Таджикистана, Киргизии — Средней Азии, как правило, дальних регионов этих государств;
- возраст: 20–40 лет;
- гендерная принадлежность: преимущественно молодые мужчины репродуктивного возраста;
- религиозная самоидентификация: исповедуют ислам;
- физическое состояние: физически здоровые люди (о ментальном здоровье современного мигранта не говорится);
- уровень образования: за «длинным рублем» обычно отправляются мужчины, не имеющие высшего образования (в лучшем случае получившие диплом ССУЗа);
- представленность личностью определенной лингвокультуры: в данном случае — среднеазиатской религиозной лингвокультуры с особенностями, сформированными под влиянием исторического советского прошлого указанных стран.

Эти характеристики объединяют представителей всех трёх государств, не выявляя различий в их коммуникативном поведении. И схожесть их заключается, кроме прочего, и в том, как они ведут себя в обиходно-бытовой сфере общения. Как правило, в неформальной обстановке за общим столом при встрече обсуждаются темы семьи, здоровья, религиозных праздников, спорта, политики (тема «Культура: Музыка. Театр. Концерт» не обсуждается, что объясняется низким уровнем образованности приезжающих в Россию на заработки людей). По нашим наблюдениям, в Россию приезжают именно трудовые мигранты, готовые выполнять низкоквалифицированную работу за небольшие деньги. И это в большинстве своем представители дальних аулов и деревень Средней Азии, не имеющие высшего образования. Граждане, проживающие в крупных городах и/или имеющие высшее образование, пределы своей страны покидают неохотно, предпочитая работать на родине.

Низкий уровень образованности (а вместе с тем и воспитанности) среди прочего определяет разные модели коммуникативного поведения мигрантов. Проявляя в обиходно-бытовой сфере общения свои типичные черты, мигрант следует традициям, проявляет уважение к старшим в кругу своих земляков, интересуется здоровьем близких людей — и практически не пользуется чужим для него русским языком. Таким образом, билингвальный профиль среднестатистического мигранта в обиходно-бытовой сфере общения стремится к нулю даже тогда, когда человек в принципе говорит на иностранном русском языке. Создается впечатление, что столь устойчивое желание говорить в обычной жизни на родном языке, следовать национальной лингвокультуре продиктовано сакральным чувством любви к Родине, которое обостряется тогда, когда человек оказывается на чужбине, вдали от своих близких. Именно поэтому на первом месте бесед любого формата и стоит тема семьи.

Например: после привычного приветствия обычно сразу следует вопрос о близких:

«Привет! Как дела? Как мама, жена, дети? Как здоровье? Как настроение?»

Конечно, этому есть и более понятное объяснение: среди своих земляков, где не все говорят по-русски, мигрант не считает нужным затруднять коммуникацию иностранным языком. Гораздо удобнее «среди своих» общаться на родном языке. Однако не исключается и стремление поддержать иллюзию кратковременного местонахождения на Родине, в кругу близких людей, что вполне естественно для людей, находящихся в другой стране.

Интересно, что с русским гостем из чувства уважения и в соответствии с правилами гостеприимства

будут говорить на те же общечеловеческие темы и на русском языке, даже если уровень владения языком не высок. И беседа будет носить дружественный характер, располагающий если не к душевному разговору, то к теплому общению в целом. И в этом случае происходит естественное переключение языкового кода с родного языка на русский, что позволяет говорить о естественном бытовом билингвизме (конечно, при условии владения русским языком).

Отметим явление интерференции, на наш взгляд, в такой ситуации общения. Как и русские, мигранты из Средней Азии выслушают ответ о состоянии здоровья всех членов Вашей семьи, терпеливо вникая в подробности, в которые их посвящает русский собеседник. Удивительно, но факт: как и представители русской лингвокультуры, мигрант охотно поделится в ответ своими проблемами и без смущения расскажет и о своем здоровье, и о своем настроении (при достаточном уровне владения русским языком).

К сожалению, эта же доброжелательность с незнакомыми или малознакомыми людьми может обернуться на бытовом уровне и речевой агрессией, доказательства чему можно найти в любой социальной сети, функционирующей на территории РФ (например, *Telegram* Павла Дурова). В подобных случаях вербальные реакции уроженца Средней Азии основываются на нелитературной лексике русского языка, которую часто приезжие осваивают раньше и быстрее, чем литературный русский язык. В таком случае можно с большой вероятностью говорить о явлении диглоссии, а не билингвизма, по нашему мнению. Именно это является ключевой чертой мигранта-пребилингва, не говорящего по-русски, но стремящегося к изучению русского языка.

Итак, в обиходно-бытовой сфере общения коммуникативное поведение современного трудового мигранта определяется национальной спецификой и уважением к традициям в сочетании с явлением интерференции: вслед за словоохотливыми русскими людьми узбек, киргиз или таджик с большой радостью также расскажет о себе, забывая об азиатской сдержанности и неразговорчивости. Однако та же национальная специфика и темперамент мигрантов из Средней Азии на бытовом уровне могут привести к конфликту на почве национальной неприязни, коммуникативных сбоев при общении и т.д.

Совершенно иначе ведут себя современные мигранты в институциональных сферах жизни. Как отмечают современные психологи, существуют четыре основных стиля общения: пассивный, агрессивный, пассивно-агрессивный, асертивный [14]. И каждый из стилей может проявляться на вербальном и/или невербальном уровне. Так, в институциональной общности (в сфере образования, медицины, бизне-

са и пр.), а также в общности ситуативной (очередь в магазине, компания в поезде, люди на автобусной остановке и т.д.) современные мигранты, как правило, ведут себя агрессивно, что было недопустимым в недавнем прошлом, когда количественные показатели трудовой миграции в РФ были значительно ниже. Придерживающийся такого стиля общения человек абсолютно уверен в своей правоте (в случае с мигрантами излишняя уверенность в себе связана часто с чувством безнаказанности за агрессию), не слушает мнения собеседника. На вербальном уровне такой человек обычно использует конфронтационные формулировки («*Ты не прав*» — обращение на «ты», не одобряемое русскими, «*Ты неприятностей хочешь?*» и т.д.). Невербальным проявлением такого стиля общения является интенсивный зрительный контакт, с помощью которого агрессивный собеседник воздействует на другого/других участников коммуникации.

Важно, что в случаях с мигрантами из Средней Азии в институциональных сферах общения они активно используют именно русский язык, даже если переключение языковых кодов происходит с трудом. Вероятно, такое агрессивное билингвальное коммуникативное поведение в официальной обстановке объясняется тем, что в условиях жизни в чужом государстве современные трудовые мигранты вынуждены находиться в оборонительной позиции, завоевывая свои позиции силой. Доказательством этого является нежелание интегрироваться в российскую действительность, игнорирование российских традиций и правил жизни.

В качестве примера можно привести факт существования в семьях мигрантов «языкового острова». Это случай, при котором мужчина, приезжающий в Россию на заработки, привозит с собой семью, но не желает, чтобы его близкие (в особенности — супруга) говорили по-русски. По результатам проведенного анкетирования можно утверждать, что и обучение детей в российских школах на русском языке в таких семьях рассматривается как печальная необходимость. Возможно, именно поэтому устройство семьи по принципу Sprachinsel («языкового острова»), когда по-русски в семье говорит только мужчина, а общение в семье ведется исключительно на родном языке, считается способом сохранения национальной идентичности. В этом случае можно говорить о пассивном и рецептивном билингвизме членов семьи при условии, что активным билингвом является только мужчина, вынужденный обращаться к русскому языку при общении с представителями русского языкового сообщества на официальном уровне. Такой билингвизм считается координативным репродуктивным, а в дальнейшем может стать и про-

дуктивным, несбалансированным/доминантным, при котором компетенция в одном из языков превышает уровень владения другим языком. Л.В. Шерба считал такой билингвизм чистым (общение в семье и в официальной обстановке на разных языках), однако члены семьи такого трудового мигранта — это, скорее, пребилингвы. Э. Хауген в 1972 г. называл так людей, уже не являющихся монолингвами, но еще не ставших билингвами [15]. Такие люди, по нашим наблюдениям, действительно не способны участвовать в коммуникации на втором языке (находясь на начальном этапе его освоения), поддерживая общение лишь в рамках ограниченного круга бытовых проблем.

Выводы

1. Итак, характеризуя билингвальное коммуникативное поведение мигрантов из Средней Азии, проживающих в Российской Федерации, и их билингвальную компетенцию, необходимо ввести понятие «коммуникативного паспорта мигранта». По нашему мнению, состоять такой паспорт может из двух частей: 1) описания особенностей коммуникативного поведения в быту (неформальная/обиходно-бытовая сфера общения) и 2) описания особенностей коммуникативного поведения в институциональных сферах общения (в формальной обстановке). И коммуникативное поведение трудовых мигрантов в этих двух случаях диаметрально противоположно.

А. Обиходно-бытовая сфера: обычно дружелюбный, гостеприимный мигрант из Средней Азии в комфортных для себя условиях общается на родном языке, а переключение на русский язык происходит естественным образом даже при координативном несбалансированном частичном билингвизме; то же самое можно сказать о мигрантах-пребилингвах.

Б. Институциональная сфера общения: возросшая агрессивность коммуникативного поведения рабочих мигрантов связана не только с их нежеланием интегрироваться в российское общество и русскую культуру, уверенностью в своей правоте, но и растущей со стороны российского общества дискриминацией их по национальному и религиозному признаку и т.д. Разрешить ситуацию могли бы последовательные меры по социализации мигрантов и их семей, принятые на государственном уровне. И такая работа сегодня в РФ ведется. Пока же в официальной обстановке мы имеем дело с хитростью, обманом, непорядочностью мигрантов, их речевой агрессией, подкрепленной неадекватным поведением, на что указывают сводки СК РФ. (Так, по сведениям СК РФ, опубликованным в открытых ТГ-источниках, на 4 сентября 2024 г. число преступлений, совершенных иностранцами-нелегалами, увеличилось втрое

(на 69%). Приезжие из других стран нередко демонстрируют негативное отношение к коренному населению России, участникам СВО и сотрудникам правоохранительных органов.

2. По-прежнему требует размышлений вопрос о двуязычии и билингвизме мигрантов. И, как видим, для этого есть основания: билингвальное коммуникативное поведение трудовых мигрантов является неоднородным и характеризуется непостоянством параметров. Полагаем, что это связано с русско-национальным двуязычием (термин В.В. Виноградова, Ю.Д. Дешериева, Л.В. Щербы), сформированным и функционирующим на территории бывшего Советского Союза. Вот почему мигранты из Средней Азии — бывших советских республик — проходят через разные стадии билингвизма: от коммуникативного поведения пребилингва — к бытовому билингвизму — и далее к социальному билингвизму на завершающей стадии. Однако в силу низкого социального положения трудовых мигрантов, в большинстве своем не имеющих должного образования, идеального уровня эквILINGVИЗМА (полного сбалансированного билингвизма) достичь они не смогут, так как приезжают на заработки на короткое время и не имеют мотивации для усовершенствования навыков владения русским языком.

3. Полагаем, что модель билингвального коммуникативного поведения трудовых мигрантов из Узбекистана, Таджикистана, Киргизии может быть описана следующим образом: на бытовом уровне можно говорить о **бытовом** билингвизме при естественном переключении кодов даже при плохом знании русского языка, а в официальной обстановке —

о **социальном** билингвизме, когда среднестатистический мужчина-мигрант вынужден общаться с носителями русского языка на неродном ему русском языке. Испытывая при этом языковой дискомфорт, рабочий из Средней Азии может стать агрессивным участником коммуникации часто и потому, что в конфликтной ситуации всегда имеет возможность сослаться на «плохой» русский язык («не понял», поэтому вёл себя неадекватно). В ситуации максимальной конфликтности такой мигрант-билингв, попадая в зал суда, часто винит государство, не предоставившее ему переводчика, и адвоката, слишком быстро говорящего на русском языке. Лишившись свободы, мигрант-билингв меняет тип коммуникативного поведения с агрессивного на асертивный и «вспоминает» русский язык, которым владеет в той или иной степени. Однако коммуникативное поведение трудового мигранта в официальной обстановке еще требует размышлений и более четкого описания.

Заключение

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что Россия — многонациональная и поликультурная страна, на территории которой функционирует не только русский государственный язык, но и языки региональные, имеющие статус государственных (татарский, осетинский, бурятский и др.). Владение несколькими языками дает возможность сформировать толерантное отношение людей друг к другу и позволяет гармонично сосуществовать не только разным языковым системам, но и культурным традициям разных народов.

Литература

1. Шустова С.В. Рекламный мигрантский и антимигрантский дискурсы [Текст] / С.В. Шустова // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики: монография. — Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2019. — С. 157–178.
2. Раренко М.Б. Миграционная лингвистика и ее место в современных лингвистических исследованиях (Обзор ИНИОН) [Текст] / М.Б. Раренко. — 2021. — С. 37–43.
3. Дружинина М.В. О роли языковой образовательной политики университета в процессе развития миграционной политики [Текст] / М.В. Дружинина // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики: монография. — Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2019. — С. 102–156.
4. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь [Текст] / Л.Л. Нелюбин. — 3-е изд., перераб. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 320 с.
5. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? [Текст] / Р.К. Миньяр-Белоручев. — М.: Готика, 1999. — 176 с.
6. Швейцер А.Д. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / А.Д. Швейцер. — М., 1990.
7. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие [Текст] / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике. — Вып. 6. Языковые контакты. — М., 1972.
8. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты [Текст] / В.Ю. Розенцвейг. — Л.: Наука, 1972. — 80 с.

9. Чиршева Г.Н. Детский билингвизм: Одновременное усвоение двух языков [Текст] / Г.Н. Чиршева. — СПб.: Златоуст, 2012. — 488 с.
10. Вайнрайх У. Языковые контакты [Текст] / У. Вайнрайх. — Киев, 1979.
11. Карасик В.И. Лингвокультурные характеристики русского языка как средства межнационального общения в СНГ [Текст] / В.И. Карасик // Международный научный конгресс «Русский язык в странах СНГ: положение, функционирование, коммуникация» 1–3 ноября 2022 г. — С. 4–6.
12. Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения [Текст] / И.А. Стернин. — М., 1989. — С. 279–282.
13. Прохоров Ю.Е. Русские: коммуникативное поведение [Текст] / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. — М.: Флинта: Наука, 2006. — 328 с.
14. Рамунда М. 4 стиля общения: какой наиболее эффективен? [Текст] / М. Рамунда. — URL: <https://www.psychologies.ru>
15. Naugen E. Bilingualism as a social and personal problem // Active Methods and Modern Aids in the Teaching of Foreign Languages / Ed. R. Filipovic. London, 1972.

References

1. Shustova S.V. Advertising migrant and anti-migrant discourses // Migration linguistics in the modern scientific paradigm: mediation practices: monograph. Perm: Perm. state National University. research. Univ., 2019, pp. 157–178.

2. Rarenko M.B. Migration linguistics and its place in modern linguistic research (Review). 2021, pp. 37–43.
3. Druzhinina M.V. On the role of the University's language education policy in the development of migration policy // Migration linguistics in the modern scientific paradigm: mediation practices: monograph. Perm: Perm. state National University. research. Univ., 2019, pp. 102–156.
4. Nelyubin L.L. Explanatory translation dictionary. 3rd ed., revised by M.: Flint: Nauka, 2003. 320 p.
5. Minyar-Beloruhev R.K. How to become a translator? M.: Gothic, 1999. 176 p.
6. Schweitzer A.D. Linguistic encyclopedic dictionary. M., 1990.
7. Weinreich U. Monolingualism and multilingualism // New in linguistics. Issue 6. Language contacts. M., 1972.
8. Rosenzweig V.Y. Language contacts. L.: Nauka, 1972. 80 p.
9. Chirsheva G.N. Children's bilingualism: Simultaneous learning of two languages. St. Petersburg: Zlatoust, 2012. 488 p.
10. Weinreich U. Language contacts. Russian Russian language, 1979.
11. Karasik V.I. Linguistic and cultural characteristics of the Russian language as a means of interethnic communication in the CIS // International Scientific Congress "Russian language in the CIS countries: position, functioning, communication" November 1–3, 2022, pp. 4–6.
12. Sternin I.A. On the concept of communicative behavior. M., 1989, pp. 279–282
13. Prokhorov Yu.E., Sternin I.A. Russians: communicative behavior. Moscow: Flint: Nauka, 2006. 328 p.
14. Ramunda M. 4 communication styles: which is the most effective? / <https://www.psychologies.ru>
15. Haugen E. Bilingualism as a social and personal problem // Active Methods and Modern Aids in the Teaching of Foreign Languages/ Ed. R.Filopovic. London, 1972.